

Серия NON-fiction медали-премии им. Ивана Грозного

Виктор Чекмарь

18+

**Я ни о чём
не жалею...**

очерки, стихи, рассказы, мысли

Виктор Чекмарь
Я ни о чем не жалею...
Серия «Non-fiction (ИП Березина)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57197598

Я ни о чём не жалею...: Очерки, стихи, рассказы, мысли / В. Чекмарь:

Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-907350-38-0

Аннотация

Эта книга – произведение многоплановое. Здесь и мысли-очерки на тему совести и разума, и рассуждения о семье и детях, и занимательные случаи из жизни автора, богатой событиями и приключениями. Проза органично перемежается стихами о вере, совести и любви. Немалый интерес представляют фрагменты из будущего сборника «Вирази любви» – рассказы о непростых отношениях между мужчинами и женщинами. Написанная простым, образным языком книга рассчитана на взрослых читателей и наверняка придётся им по душе.

Содержание

Предисловие от автора	5
О вере	7
О женщинах	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Чекмарь
Я ни о чём не жалею...
очерки, стихи,
рассказы, мысли

© В. Чекмарь, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Предисловие от автора

Странное ощущение получаешь, когда перечитываешь (пусть даже через совсем короткий промежуток времени) свои собственные мысли, изложенные на бумаге. Возникает ощущение, что это не ты написал, что это мысли другого, более зрелого и умудрённого жизнью человека.

О вере

«Люди, развращённые умом, невежды в вере» (2-е послание к Тимофею святого апостола Павла, глава 3, стих 8).

Это гениально. Воистину, всё гениальное просто. Умничающий индивидуум всё и вся всегда подвергает сомнению, потому что считает себя умнее всех, ничего не принимает на веру, всё пробует на зуб... и всё равно сомневается. А в результате он просто *не способен* верить. Не верит людям, не верит в сверхъестественное, не верит в нечистую силу, не верит в чудеса, и не дано ему по-настоящему верить в Бога. А нет истинной веры – нет и жизни человека в Боге. Гордый, спесивый, развращённый ум – трагедия для человека.

Вера (или по-другому самовнушение) способна творить чудеса, открывает безграничные возможности для развития внутренних резервов человека, его духовных и физических сил. Пример тому – йоги и тибетские монахи. Можно внушить себе, что ты един с природой, – и не замёрзнешь голым даже в самый лютый мороз (Порфирий Иванов). А вот, например, неверие в свои силы в экстремальных случаях всегда приводит к печальным последствиям, потому что человек начинает паниковать и даже в простой ситуации не может найти правильного решения.

Вера – это спасение души.

* * *

Люди, развёртанные умом, —
так сказал пророк, — невежды в вере.
Не отягощённые Творцом разумом —
невежественны в мере.

Атеизм – не дай Бог никому! —
явно дьявольское наваждение.
Фанатизм вполне сродни ему —
оборотной стороны явление.

* * *

Кончилась поездка на Афон...
Две недели с Господом общенья
пронеслись, похожие на сон, —
наступает время пробужденья.

Снова захлестнёт мирская жизнь,
постепенно дух ожесточая,
из высот потянет камнем вниз,
душу к вратам рая не пуская.

Хочется по заповедям жить:
не грешить хотя бы в самом важном.
Как-то важное определить,
кроме Господа никто не скажет...

Надо двигать собственным крылом,
вглубь расти, не прерывая бденье,
чтоб, забыв на время о мирском,
ощутить духовное прозреньё.

А иначе – холод, пустота:
внешне ты живой, мертвец душою.
Чтоб начать всё с чистого листа,
на Афон поехали со мною?...

Бессонница – это недуг либо совсем неверующих, либо *малoverующих* людей. Посылая эту благодать, Господь пытается заставить человека заглянуть в себя: человеку в это время никто не мешает вникнуть в собственную суть, поговорить с Богом, понять свою душу. Это не наказание, это – благо свыше.

А как благодатно в такие часы молиться... Ты действительно погружаешься в молитву, по лицу твоему текут слёзы. Это ли не счастье?

О женщинах

В каждой женщине что-то есть... но главное – глубоко не копать.

* * *

Я люблю умных женщин, я *тащусь* от них. Умные женщины – моя слабость. Правда, за тридцать восемь лет я встретил только двух таких, которые любили меня, и которых любил я.

Я ненавижу глупых женщин, а красивые дуры вызывают во мне прямо-таки физическое отвращение (вплоть до рвоты), и таких масса.

Сначала меня это просто убивало: я никак не мог принять того, что в прекрасной форме – совершенной фигуре с лицом богини, практически полностью отсутствует содержание. Эти красивые сосуды до краёв наполнены беспросветной тупостью. «Так не должно быть!!! – кричало всё мое естество. – Здесь какая-то ошибка».

Но оказалось, что никакой ошибки нет. Уже в зрелом возрасте я понял, что в природе всё уравновешено, и если Господь переборщил в одном месте, то он обязательно недодаёт в другом.

Если вы замечали, то умные женщины внешне, как правило, некрасивы. Хотя из любого правила есть исключения: встречаются женщины и умные, и красивые одновременно, но они никогда не бывают счастливыми, они всегда несчастны. Так устроена жизнь.

Я думаю, многие женщины, прочитав эти строки, недовольно поморщатся, поэтому следует пояснить, что я вкладываю в понятие «женского» ума. Образование и даже эрудиция – это ещё далеко не всё, да и не самое главное. «Женский» ум для меня – это квинтэссенция поразительного такта, тонкой иронии, умопомрачительной интуиции, открытости и общительности, естественности и наивности почти детской, обострённого чувствования фальши и мгновенной реакции на неискренность. Короче, это – гармония внутреннего мира. Достаточно нескольких минут общения с такой женщиной, и ты уже совершенно не видишь её физических недостатков. Ты влюбляешься в человека, а не в его оболочку.

* * *

Нет хорошего в ней ничего —
почему-то меня зацепила.
Всякий раз удивляюсь: с чего
возникает «подъёмная сила»?

Ни лица, ни фигурки какой,
сразу видно: ошибка природы.
В первый раз подходил «как святой
принимать у отверженной роды».

МАДОНОВА

Мудрая, что главное,
А по виду – так...
Добрая и славная,
Отважная, как
Насреддин и Робин Гуд,
Откроет двери...
Все что-то про неё лгут,
А я не верю...

Время лечит

Я помню все наши встречи,
прогулки, вечерний сад,
о жизни и смерти речи,
мечты, твой влюблённый взгляд.
Нас как магнитом тянуло —
юных, счастливых, слепых.

Весна «любите» шепнула,
сделав родными чужих.
Если б она только знала,
на что обрекает нас:
адские муки, скандалы,
шипенье ревнивых фраз.
И всё-таки ты любила...
Всё было у нас с тобой...
Свет яркий любви затмила
тайна интрижки пустой...
Ругай, говорил тебе, бей,
если так худо вышло.
Чёрным мыслям, просил, не верь,
и «уходи!» услышал.
Домой, к чёртовой матери
от этих треволнений...
Словом, дорога скатертью, —
и никаких сомнений.
Хворал и криком исходил
полгода при народе.
Отмяк потом... отголосил...
расслабился... СВОБОДЕН!

* * *

Дама, уверенная в себе, кокетливо:
– Виктор Михайлович! Я, знаете ли, сегодня совершенно

свободна. Мы могли бы провести этот вечер вместе.

Кавалер резко:

– Нет.

Дама недоумённо:

– Что так?

– Не хотелось бы обижать вас, сударыня, но у вас не мой размер.

Дама озадаченно и капризно:

– ???... Да вы, оказывается, привереда. А как же Лера?

– Лера?... А что Лера? Лера – случай особый. Лера – красивый человек (душа), а в таких женщин настоящие мужчины влюбляются, невзирая на их возраст и внешнюю атрибутику. Их просто не замечают.

Дама возмущённо:

– Но вы же меня совсем не знаете! Может быть, я тоже красивый чел...

– Исключено.

Дама обиженно и возмущённо:

– Почему?...

– Закон сохранения энергии, теория вероятности... называйте как хотите. Богом ли, природой ли, но количество красивых людей на единицу территории ограничено. Их вообще очень мало. По моим примерным прикидкам – не более одного на сотню.

Дама, подумав и неожиданно воспрянув духом, лукаво и с надеждой:

– А ведь мы с Лерой в разных коллективах работаем.

Кавалер обречённо:

– Это ничего не меняет, потому что в вашей конторе такой человек уже есть.

Дама с иронией:

– И кто же это, если не секрет?

– Татьяна Семёновна Мемячкина.

Немая сцена, как в «Ревизоре».

* * *

Я не являюсь женоненавистником, но меня всегда удивляло, что умных женщин – единицы. Отсюда я делал вывод, что Господь наделил их красотой, но взамен обделил разумом. Это заблуждение рассеялось в тридцать три года, когда неожиданно для себя я вдруг понял, что умных мужчин не больше.

Первая любовь

Эх, юность, юность... Есть ли в жизни что-то более ценное и достойное наших воспоминаний?

Пора надежд, жажда острых ощущений, желание самоутвердиться и почувствовать себя личностью, юношеский максимализм и непримиримость, отвращение к компромис-

сам, деление мира только на чёрное и белое, дружба – самая крепкая, святая и бескорыстная... и, наконец, любовь – самая первая, самая запоминающаяся, самая трепетная, самая нежная, самая подлая, отвратительная и коварная, самая гнусная, лживая и жестокая, и всё же самая прекрасная, самая-самая... Потому что первые чувства по твоей неопытности и наивности – самые чистые и светлые, самые возвышенные и благородные. А существо противоположного пола? – Это что-то божественное, которого ты ну никак не достоин. И как одолеть эту робость, как превозмочь себя? О, как ты завидуешь местным ловеласам и литературным волокитам!..

А начитавшись всего этого дерьма, где похождения бравых молодцов – не что иное, как невинные шутки, забавы и шалости, никак не можешь потом понять: почему тебя вдруг называют подлецом, и отчего тебя самого мучают угрызения совести?...

* * *

С чего же начать?...

Ах да: мне шестнадцать лет, и я весьма недурён собой. Это без всякого бахвальства. Девчонки нашего посёлка, которые постарше, на своей «сходке» определили троих самых симпатичных ребят, и я оказался в их числе. Хотя, как это ни странно, я себя таковым не считаю и вижу в себе такое количество недостатков (как физических, так и нравственных),

что буквально схожу с ума и начинаю комплексовать. Это моё самоедство сослужило мне в жизни дурную службу, многое исковеркало, искромсало, изломало меня, напакостило другим... Ну, да это тема отдельного разговора. Благо, я всё равно ни о чём не жалею, моя юность была прекрасной...

Нельзя сказать, что до шестнадцати лет я вообще не жил и вдруг начал с чистого листа. Совсем нет. Интерес к особам противоположного пола возник значительно раньше. Я помню: была в нашем классе девочка по имени Марина. Наверное, в каждом классе есть свои королевы, но у нас ею стала Марина, в которую были влюблены все мальчишки.

Помню, как я писал ей анонимные записки и объяснялся в любви, а когда она меня вычислила и открыто подошла ко мне, предлагая свою дружбу, я почему-то струхнул, жутко возненавидел себя за свою слабость и оттолкнул её, отрёкся от своих записок и стал посылать ей другие – похабного содержания.

В этом переходном возрасте в мальчике, становящемся юношей, борются два начала: желание любить и боязнь показаться смешным в глазах товарищей. Ты хочешь быть ласковым и преклоняться перед своей избранницей, а среда заставляет тебя быть грубым и возвращает в тебе презрительное отношение к женщине, как к грязной самке.

Но я отвлёкся. Хотя я очень люблю философию и психологию и даже пытался читать Фрейда, мне не хочется в этом моём повествовании залезать глубоко в дебри подсознания.

Я, например, до сих пор не могу понять (и даже теперь не пытаюсь), почему мне легче и совершенно не стыдно делать больно, оскорблять, унижать, иронизировать, подкалывать, острить над любимыми мною людьми, и в то же время я никогда не позволю себе таких вольностей в отношении незнакомого или неприятного мне человека.

Помню, я всё же набрался храбрости и напросился к Марине в гости, и она опять-таки пошла мне навстречу.

Господи, какая же это была пытка! Я сидел у нее в доме, пил чай и боялся не так повернуться, не то сказать. Мне казалось, что я не достоин здесь быть. Любой ничего не значащий жест либо смешок, не имевший ко мне ни малейшего отношения, я истолковывал превратно, не в свою пользу... и в то же время я был счастлив. Как я завидовал этим людям: её отцу, матери и брату, которые могут жить с нею в одном доме, могут ежечасно общаться с нею – с этим неземным, как мне казалось, существом.

Меня хватило всего на два посещения, после чего мой комплекс неполноценности одержал верх над моими чувствами, и я поставил на себе крест, сочтя себя недостойным.

В то время мне было тринадцать лет.

* * *

Её звали Наташей. Это имя так и осталось самым любимым для меня женским именем на всю оставшуюся жизнь.

И этой белокурой бестии было всего четырнадцать лет.

В свои четырнадцать, не имея еще никакого любовного опыта, она уже умела стрелять глазами. О, эти *блядские*, завораживающие глаза, этот ни с чем несравнимый, игривый, призывный, пронизывающий тебя до дрожи в коленях, мимолётный, как бы нечаянно, вскользь брошенный на тебя взгляд... Далеко не каждая женщина может так смотреть, хотя со временем практически все они худо-бедно осваивают технику стрельяния глазами и что-то похожее изображают. Но взгляды этих «технарей» – лишь жалкое подобие, всего лишь имитация взглядов тех женщин, которым это искусство дано от рождения. Именно такие особы способны околдовать, присушить, сделать мужчину своим рабом и помыкать им как тряпкой.

Я всегда чувствую этот взгляд всеми порами тела и в таких женщин влюбляюсь моментально, вне зависимости от степени их привлекательности, возраста и других факторов и обстоятельств.

Но, как правило, это очень опасные, циничные и коварные создания, они – хищницы. Хотя бывают и исключения, однако крайне редко, и исключения эти я бы назвал ангелами во плоти безо всякого преувеличения, потому что я таких женщин тоже встречал, но любим ими, к большому сожалению, не был.

Итак, вы поняли: едва увидев Наташу, я был покорён.

В тот год лето стояло жаркое. Я ненавидел день и не мог

дождаться вечера, когда вновь увижу её.

Ежедневно возвращаясь домой около трёх-четырёх часов, я до позднего утра не мог заснуть, перебирая в памяти её жесты, взгляды, смех, фразы, поступки... Всё в ней казалось мне прекрасным и совершенным, а грудь мою терзало щемящее чувство, в котором сплелись воедино восторг и обожание, неясные беспокойство и опасения, страх и надежда. Мне достаточно было только находиться рядом с нею – и я уже парил в небесах. А иногда неосторожно сказанное ею слово, даже малейший оттенок интонации, могли ввергнуть меня в пучину страданий, и тогда я становился самым несчастным человеком.

С той поры моим любимым изречением стало «мне всё равно, страдать или наслаждаться». Потому что человек по-настоящему живёт только тогда, когда любит. Если любовь взаимна, он ликует, он счастлив. Если безответна, он страдает и почти гибнет. Но только в эти мгновения, часы, недели, месяцы любви он понимает, что значит *жить*. Любовь – это величайшее из творений Господа. Ради того, чтобы испытать это чувство (а вернее, только ради этого), стоило родиться на свет.

Я очень уважаю и люблю писателя Эдуарда Тополя. Но его «Россия в постели» – не что иное, как просто пособие по технике секса, облачённое в художественно-повествовательную форму. Это пособие учит, как получить от секса максимум удовольствия. Я никоим образом не хочу сказать, что книга

непристойна, упаси Бог, я не ханжа. Вполне возможно, что она даже очень нужна. Но есть в ней «перехлёт». И поэтому после прочтения остаётся неприятный осадок. Остаётся он потому, что люди в этой повести ничем не отличаются от животных. Так и хочется спросить: «Уважаемый автор, а где же любовь?... Почему всё так по-скотски?»

В этой книге нет самого главного: нет любви. А что касается удовольствий, то человек способен испытывать массу удовольствий не только в сексе. Например, процесс дефекации (особенно в «позе орла») доставляет огромное наслаждение, а если припёрло и успел добежать, то это вообще ни с чем несравнимый кайф. Неплохо было бы написать книжонку на эту тему под таким, к примеру, названием: «О технике отправления естественных надобностей» или «Как получить максимум удовольствия при дефекации», а лучше всего – «Россия на горшке».

Но вернёмся к Наташе...

В то же время все мои внутренние переживания никоим образом не соотносились с внешней стороной моего поведения. Я осознавал себя мужчиной, то бишь лидером, являющимся в отличие от женщины хозяином своих чувств. С высокомерным пренебрежением взирая на слабую половину человечества, я представлял в роли эдакого Дон Жуана, готового покорять, но не способного покоряться.

И надо сказать, эта роль мне удалась. Я сыграл её блестяще (себе во вред, как потом выяснилось). Но это было спра-

ведливо: за любую ненатуральность рано или поздно приходится расплачиваться. Неискренность чревата.

Я, например, в угоду своему имиджу мог позволить себе при всех обратиться к любимой с вопросом: «Наташа, а не беспокоит ли вас изжога?», искренне при этом беспокоясь о её здоровье. Моя выходка потрясала окружающих и убивала Наташу. Таким образом я самоутверждался.

Первая реакция – испепеляющий, полный ненависти, так любимый мною взгляд прекрасных карих глаз, затем – откровенный флирт на моих глазах с каким-либо пацаном и исчезновение с ним на некоторое время, такая изошрённая месть. Боже, она доводила меня до исступления. Я бесился... и вот уже когда, казалось, был на пределе и мог сотворить чёрт знает что, вдруг тихо: «Шурик, проводи меня». Она звала меня Шуриком, и звук её голоса, произносившего моё имя, был для меня самой сладкой музыкой. И я срывался и бежал за нею вдогонку, потому что после этих слов Наташа никогда не утруждала себя ожиданием, а тут же разворачивалась и своим скорым «скачущим» шагом начинала быстро удаляться в сторону своего дома. Как я теперь понимаю, это был заключительный аккорд её маленькой мести, она всегда одерживала надо мной верх.

Короче, мы вели опасную игру: я на мои нежность и обострённость чувств накинул личину грубости и сарказма, а Наташе в отместку за мои чудачества очень сильно хотелось заставить меня покориться, признать перед всеми, что

я её люблю до беспамятства и готов ради неё на всё.

*Любить всем сердцем на пределе сил —
довериться, оставшись без защиты.
И если б мог я, только б так и жил,
не злясь и не копя в душе обиды.*

А я не смог... Любя Наташу больше жизни, я не сумел ей поверить и не захотел перед нею раскрыться. Я продолжал бравировать, открыто насмехаясь и над нею, и над самим собой, и... доигрался.

Через три месяца мы расстались: я – продолжая её любить; она – окончательно во мне разочаровавшись.

* * *

Тебя измены разве что смешат...
Когда не любишь, ты в себе уверен.
Ты равнодушен, не бываешь гневен,
до лампочки – что скажут, как глядят.

Приходит время – хочется опять
почувствовать, как мир вокруг чудесен.
Любовный без любви напиток пресен.
Ну что ж, вперёд: довольно отступить!..

Боюсь вначале, что не полюблю,

спугну любовь, не дав цветку раскрыться.
А полюбив, себя на том ловлю,
что вновь боюсь, – теперь уж оступиться.

Любить всем сердцем, на пределе сил —
довериться, оставшись без защиты.
И если б мог я, только б так и жил,
не злясь и не копя в душе обиды.

Финал не нов: любимой не любим.
Её любовь – мое воображенье.
Открылась ложь в минуту откровенья.
Растаял грёз печально-сладкий дым.

Не захлебнулся, как в потоке лжи,
глотнув изрядно?... – редкая удача.
Вот это жизнь! Вот это виражи!
Смеюсь, благодарю за всё и плачу.

Ну, сколько можно шишки набивать?!
Давно не мальчик, опытный повеса.
А стоит ли так сильно горевать?!
В приятных грёз закутавшись завесу,

Желанье б было – влюбишься опять...
Была б охота – влюбишься опять...
Когда-нибудь ты влюбишься опять...

* * *

Когда люблю, я сильно мучусь,
терзаем страхами...
Мерещатся обиды мне,
измены, пораженья...
страшусь разлук,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.